

В. Ю. ВОЛОШИНА, В. П. КОРЗУН

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ОСМЫСЛЕНИИ А. В. ФЛОРОВСКОГО (1920–1930-е гг.)¹

Статья посвящена осмыслению процесса становления советской исторической науки в трудах эмигрантского историка А.В. Флоровского (1884–1968). Исследование выполнено на основе как опубликованных, так и неопубликованных источников, большую часть которых составляют рукописи Флоровского, хранящиеся в личных фондах А.В. Флоровского в архиве РАН (Фонд 1609) и в рукописном отделе Славянской библиотеки в Праге (F-Flor). Широко использовались также библиографические работы историка, выходявшие в различных зарубежных изданиях в 1920–1930-е гг. В статье определены мотивы обращения Флоровского к отечественной, в т.ч. советской, историографии, выявлены метаморфозы историографического нарратива.

Ключевые слова: историография, исторический источник, советская историческая наука, эмигрантская историческая наука, научное сообщество, научные коммуникации, историографический нарратив

Мы не в изгнании, а в научной командировке...

В современном научном сообществе заметен пристальный интерес к советской историографии периода ее становления. Довольно интенсивно развивается и изучение эмигрантской историографии в тех же хронологических рамках (1920–1930-е гг.). Но, к сожалению, направления этих исследований развиваются параллельно, и взгляды эмигрантских историков практически не инкорпорированы в процесс осмысления феномена советской историографии. В связи с этим важной задачей представляется исследование восприятия советской историографии представителями эмигрантского научного сообщества, одним из ярких представителей которого является А.В. Флоровский. В своем интересе к историографии он был не одинок. Проблемы становления советской исторической науки волновали большинство эмигрантских историков. А.А. Кизеветтер, П.Н. Милюков, Г.В. Вернадский, И.И. Гапанович, Е.Ф. Максимович и др., несмотря на принадлежность к различным поколениям русских историков, были либо участниками, либо свидетелями бурного процесса институционализации историографии как дисциплины в отечественной научной традиции конца XIX – начала XX в. Некоторые из них прошли непосредственную выучку у классиков русской историографии, некоторые сами выбились в классики – например, П.Н. Милюков. Вписывание себя в эту традицию было в условиях изгнания и разрыва прежнего коммуникационного поля способом самоидентификации

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-09-00397) в рамках научного проекта «Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.)».

в профессиональном плане. Историографический дискурс был серьезным инструментом внутренней консолидации историков, поддерживая корпоративную память и историческое сознание эмигрантского сообщества. Наконец, историографические штудии стали естественной реакцией на раздражающее чужое – советскую историографию, ее методологические и институциональные эксперименты. Нельзя забывать и о житейской прагматике – хлебе насущном. Рецензии и библиографии являлись важным для эмигрантов способом заработка.

Историографическое творчество Флоровского представлено в различных жанрах – биографических статьях, библиографических обзорах, многочисленных рецензиях, вводных разделах к монографиям, некрологах, лекционных курсах, которые читались историком в Русском педагогическом институте им. Каменского и позже в Карловом университете в Праге. В фокусе нашего внимания – оценки Флоровского советского историографического процесса, участником которого (до 1922), а позднее внимательным наблюдателем-аналитиком он был. Этот сюжет вписывается в проблему «Историк на сломе эпох», в рамках которой, как правило, анализируются мировоззренческие поиски историков и проблематика исследований. Но не менее важно выяснить влияние социального экстрима на историографический нарратив, и под этим углом зрения мы попытаемся рассмотреть творчество Флоровского, опираясь на историографические работы ученого, как опубликованные², так и неопубликованные, хранящиеся в личных фондах Флоровского в архиве РАН (Фонд 1609) и в рукописном отделе Славянской библиотеки в Праге (F-Flor), а также на библиографические работы, вышедшие в различных зарубежных изданиях в 1920–1930-е гг.

Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968) известен как историк России XVIII в., преимущественно как специалист по петровской эпохе и екатерининской Законодательной (Уложенной) комиссии 1767–1768 гг. Как историограф он востребован гораздо меньше, предметом специального рассмотрения стали лишь несколько его наиболее известных историографических работ³. Контактам Флоровского с советскими учеными в послевоенный период посвящена работа М.В. Ковалева «Зигзаги судьбы: профессор А.Ф. Флоровский и его советские коллеги⁴». В литературе уже достаточно подробно описан эмигрантский период жизни А.В. Флоровского⁵. Мы сосредоточимся лишь на его историографическом наследии, разумеется, имея в виду жизненный контекст нашего героя в 1920–1930-е гг. Что же касается военного и после-

² Флоровский 1932.

³ О них в самом общем виде см.: Аксенова 1994; 1997; Цепилова 2009(а), 2009(б).

⁴ Ковалев 2016.

⁵ Аксенова 2009; Ковалев 2017.

военного периодов, ставших очередным зигзагом в его жизни, и, можно предположить, в миросозерцании и научном творчестве, то их содержание пока выходит за хронологические рамки нашей статьи.

Интерес к историографии проходит у Флоровского через весь его творческий путь. Еще в «одесский» период его научной жизни (1910–1922) он стал признанным специалистом по древнерусской истории и русской исторической географии, и уделял серьезное внимание историографическим вопросам этих дисциплин⁶.

В эмигрантском научном сообществе мотивация обращения к вопросам историографии имела многоплановый характер, но определяющим было стремление сохранить его бывшее (идеализируемое) единство, восстановить разорванное коммуникативное поле, «собрать осколки и склеить черепки». Именно об этом говорил Флоровский в апреле 1923 г. на собрании русских историков в Праге. Преодолеть разрыв коммуникативного поля русской и мировой исторической науки, начало которого, кстати, он видел с первой мировой войны, а не с революции 1917 г., по его мнению, можно было за счет регистрации всей литературы, вышедшей и выходящей «в период от 1914 по вопросам истории России в самом широком смысле этого понятия»; и составления «обзоров и сводок по разнообразным вопросам истории нашей страны на основании научной литературы, вышедшей в 1914 и последующих годах»⁷. В этом выступлении он обращался ко всем русским академическим организациям за границей с предложением подготовить библиографическое издание, в котором был бы отражен весь срез работ русских ученых за этот период. Для ученых-эмигрантов такая деятельность, «не только легкая и почетная возможность, но и суровый и неотвратимый долг. Русские ученые за границей не только представители русской науки, которым привелось выполнить высокую роль ознакомления западного ученого мира с плодами русского научного труда, но они – и орудие нормального и интенсивного питания русской научной деятельности»⁸, для которой условия в России на протяжении 1920-х гг. существенно изменились. Как и многие его коллеги, он не сомневался тогда в скором возвращении на родину. Именно в этом выступлении историк прибегает к метафоре командировки: «русские ученые в эмиграции находятся как бы в командировке, о которой каждый должен дать и давать соответствующий отчет»⁹ и затем ее использует в последующих историографических текстах и

⁶ В эти годы его лекции в Новороссийском университете слушал Н.Л. Рубинштейн, в будущем известный советский историограф. Впоследствии они сохраняли интеллектуальные связи и вели переписку даже тогда, когда Флоровский оказался в эмиграции. См.: Ковалев 2016. С. 91–92.

⁷ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 об.

⁸ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

⁹ Там же.

даже в более поздний послевоенный период в переписке с коллегами¹⁰. Уверенность во временности пребывания вдали от родины являлась одним из основных конструктов эмигрантского дискурса, провоцирующего постановку проблемы особой духовной миссии русской эмиграции. По существу, максима Флоровского «мы не в изгнании, а в научной командировке» – это своеобразный сциентистский парафраз Д.С. Мережковского: «мы не в изгнании – мы в послании».

Историографический нарратив: деконструкция

Новый экзистенциальный опыт сказывается в историографическом нарративе Флоровского. В структуре исторического нарратива, и историографического в том числе, большую роль играет конфигурация «которая предполагает приоритет авторского замысла над фактическим материалом, соединяющего фрагментарные исторические знания в единое сюжетное повествование»¹¹. Особая миссия историка в эмиграции – это своего рода сверх-идея, авторский замысел, который прописывается автором и ориентирует на рефлекссию о базовых ценностях профессии.

Наконец, отметим еще одну новацию, характеризующую жанровую особенность эмигрантского историографического нарратива Флоровского. С середины 1920-х библиографические издания были поставлены практически на поток, что было связано со становлением институциональной структуры науки Русского зарубежья. Для некоторых историков работа в этом жанре становилась чуть ли не основной, наметился явный крен в сторону сближения историографии и библиографии, библиографическую деятельность рассматривали как одну из форм организации научной мысли и исследования, как способ проблематизации, которая является важным атрибутом научности и, соответственно, академической культуры. Это являлось свидетельством продолжения дореволюционной академической традиции, что дает нам возможность говорить о библиографии как способе формирования и сохранения норм интеллектуальной культуры и сближает социокультурное предназначение историографии и библиографии. Последняя принимает на себя, помимо свойственной ей задачи профессиональной фиксации исторических публикаций, дополнительную историографическую нагрузку – показать в первом приближении динамику проблематики, реальные приоритеты и проблемы советской историографии. Именно в таком ключе Флоровский начинает активно работать¹². К этому времени у него уже имелся опыт, причем связанный не только с использованием библиографии как логии для собственных исследований, что было обязательным атрибутом профессионализации: в одесский период он сотрудничал

¹⁰ Флоровский 1930. С. 484; Пашуто 1992. С. 366.

¹¹ Лубский 2016. С. 311.

¹² Florovskij A. (ВНЕО), 1928; (SLR) 1928; 1930; 1934; 1935; Флоровский 1931.

с Одесским библиографическим обществом при Новороссийском университете¹³. Впоследствии, в 1921-начале 1922 гг., занимая пост директора Одесской городской библиотеки, затем библиотеки Высшей школы (бывшей библиотеки Новороссийского университета), он был непосредственно включен в организацию библиографической работы.

Для Флоровского библиография должна нести довольно значительную нагрузку – выполнять роль фиксатора/закрепителя научных достижений русского зарубежья, создавать целостное представление о процессе развития отечественной зарубежной историографии и, более того, исходя из тенденций развития историографического процесса, ставить задачу (хотя бы декларативно) планировать его. Идея научного планирования, как видим, носилась в воздухе – весьма популярная в советском научном сообществе, она не была чужда и научным кругам эмигрантского зарубежья – «временно командированные» не исключались из общего процесса развития. Библиографические штудии Флоровского преследовали и еще более масштабную и амбициозную задачу – создать целостную картину состояния отечественного историографического поля в его эмигрантской и советской ипостасях, способствовать органическому соединению этих двух вариантов научного развития после неизбежного возвращения на российскую почву принципа свободы научного исследования что, судя по контексту высказываний Флоровского, должно было явиться результатом смены политического режима.

Таким образом, Флоровский отстаивает идею органической связи двух искусственно разделенных частей исторической науки. Отсюда неизбежно обращение к научно-библиографическим обзорам советской исторической литературы и их дрейф в сторону традиционной историографии. Историк осознает серьезность преград на этом пути: в условиях работы в эмиграции «многих книг и изданий, вышедших в Советской России (особенно провинциальных), автору не привелось видеть и держать в руках»¹⁴. Стоит иметь в виду и когнитивный диссонанс, возникающий при коммуникативном взаимодействии двух антагонистических мировоззрений: «Марксистско-ленинское построение русской истории страдает режущей глаз и мыслью односторонностью, – отмечает Флоровский в контексте лекции «Предмет и содержание русской истории», – в Советской России, нет подходящих условий для свободного развития исторических построений и формулировки иного, чем марксистское, понимание русского исторического прошлого. Очевидно, приходится обращаться к тем опытам истории России, которые написаны и изданы вне

¹³ «Это общество было своего рода лабораторией, в которой ученики профессора Линниченко отрабатывали навыки рецензирования и научной критики исследований» (Ковалев 2017. С. 126). И.А. Линниченко – один из университетских учителей Флоровского.

¹⁴ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 41. Л. 32.

России в условиях свободы научного исследования и свободы и независимости научной мысли и печати»¹⁵. Решающим обстоятельством, повлиявшим на условия бытования исторической науки в Советской России, стало, по Флоровскому, уничтожение свободы научного творчества как обязательного условия развития науки. Эта мысль рефреном проходит в его работах. Повторы, воспринимаемые современным читателем, как клише, для него являются фиксацией и уяснением, прежде всего для себя, несущих конструкций советской науки. В рукописи 1934 г. он воспроизводит аналогичные формулировки: в Советской России марксизм «признается сейчас единственно научной исторической теорией, причем всякое иное историческое мировоззрение, претендующее на признание научного и объективно-исторического, отмечается и осуждается и как неосновательное, и как элементарно ненаучное, и часто как явно враждебное единственно истинному учению». Способом преодоления когнитивного диссонанса стало для него признание уникальности «совершенно особой и исключительной по своему характеру эпохи» и своеобразия переживаемого исторического момента, к которому следует осторожно подходить с привычными мерками. Соответственно, Флоровский делает акцент не столько на оценке советского историографического процесса (хотя оценочные суждения, неприятие «духа отрицания свободы научной мысли, стихии свободного научного творчества, неоднократно повторяются в его текстах), а на научно-корректном, профессиональном описании. В силу специфики конструируемого им «синтетического нарратива», описание носит эскизный, тезисный характер. Но, тем не менее, Флоровский фиксирует сложный, противоречивый характер марксистской индоктринации на почве советской историографии – амальгаму научного и политического, когда одновременно «присутствуют не только законная доля критики и осуждения одного мировоззрения другим, но и всепобеждающий момент политического обвинения и принуждения»¹⁶.

Когда историческая наука становится советской?

Наиболее полно советская историческая наука в довоенный период представлена в работе Флоровского «La littérature historique soviétique russe. Compte-rendu 1921–1931»¹⁷ В процессе становления советской исторической науки и ее политизации он выделяет несколько этапов. Начальный приходится на первые годы советской власти (до нэпа), но его, по мнению Флоровского, вряд ли можно считать собственно советским¹⁸. Он подчеркивал, что этот этап тесно связан с традицией истори-

¹⁵ Slovanska knihovna v Praze. T-Flor. Krab. XXXVII. Rukopisy.

¹⁶ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.

¹⁷ Издана в Варшаве в 1935 г., но написана была, судя по рукописи «Историческая наука в советской России (1921–1932)», в 1933/1934 г. (Оп. 1. Д. 41).

¹⁸ Эту мысль разделяли и другие эмигранты. Так, в 1924 г. С.И. Варшавский отмечал, что «советской книги» в настоящем значении этого слова еще не существует, «есть

описания, сложившейся еще до первой мировой войны: «Многое из подготовленного уже в <...> военные и отчасти предвоенные годы увидело свет только в послеоктябрьский период»¹⁹, так что далеко не все изданное в это время может быть отнесено к советской историографии. Здесь «проявилась с полной ясностью огромная сила былой традиции русской исторической науки, поколенные ее творческие возможности и длительное живительное ее влияние»²⁰. Флоровский полагает, что в этот период свободная наука еще ряд лет жила, преодолевая политические и материальные сложности, испытывая лишь отчасти давление власти. Реформирование высшего образования, реорганизация научных институций и издательского дела существенно изменили жизнь научного сообщества. Следующий этап характеризуется установлением монополии марксистской методологии и усилением борьбы на идеологическом фронте. Часть представителей «старой буржуазной науки» – среди них были «крупные ученые с большими творческими силами и с огромным организующим влиянием», – добровольно уехали за границу или были высланы на «философских пароходах». То было время активного становления и первой пробы пера молодого поколения историков-марксистов, вытеснявших представителей «старой буржуазной науки». Флоровский выделил 1929 год как особую веху: «Разгром 1929 года и последующих годов»²¹ оторвал от научного труда длинный ряд научных сил в их высшем или полном развитии. В связи с этим возникает проблема смены поколений на черед сменяющихся исторической науке»²².

Флоровский как историограф развивает дореволюционную, академическую позитивистскую традицию (известный современному науковедению эффект «колеи»). Для историографического нарратива данного вида характерно рассмотрение процесса развития исторической науки в единстве научных, культурных и экзистенциальных факторов, причем научная традиция выступает в роли связующего звена. В результате в пространстве его историографического анализа – концептуальные построения, схоларность и институциональность науки, поколенческий срез научного сообщества. В большей или меньшей степени

книга, созданная русскими культурными силами, несмотря на существование Советской власти». – Варшавский С. 1924. С. 7.

¹⁹ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 41. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 555.

²¹ Речь идет о т.н. «Академическом деле». Жертвами этих полностью сфабрикованных обвинений стали свыше 115 сотрудников академических и учебных учреждений, архивов и музеев, в т.ч. академики С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, 5 членов-корреспондентов АН СССР. Всем им предъявили обвинение в создании контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» с целью свержения советской власти и восстановления монархии. См.: Академическое дело 1929-1931 гг. 1993. С. V.

²² Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1 Д. 46. Л. 2.

эти элементы присутствуют в его библиографических трудах, которые все больше напоминают историографические тексты.

Свой нарратив текущего историографического процесса в советской России Флоровский выстраивает сообразно обозначенной выше модели исследования, включая в него как общий обзор отдельных отраслей исторической науки (археологии, этнографии, историографии), так и изучение отдельных, наиболее значимых с его точки зрения научных проблем отечественной и зарубежной истории.

В следующем разделе мы более подробно представим взгляды Флоровского на проблемы изучения истории России в советской историографии на протяжении 1920-1930-х годов и на источниковедческие и историографические практики советских историков.

«Дисквалифицированы с точки зрения марксизма-ленинизма...»

Историография для Флоровского – история науки русской истории, это, прежде всего, люди, ученые-профессионалы, которых в советских реалиях оценивают, как с точки зрения ценности их вклада в науку, так и соответствия марксизму «последнего извода». Он считает показательными работы М.Н. Покровского и его учеников по Институту Красной профессуры. В книжке Покровского (так снисходительно он определяет работу «Борьба классов и русская историческая литература») дается «своеобразное, обостренное толкование классовых основ и тенденций крупнейших представителей русской исторической науки XIX века»²³. Флоровский называет ее программой для младшего поколения историков-марксистов, «которое осуществило более широкий и обширный опыт классовой и марксистской историографии XIX – начала XX века»²⁴. Молодые авторы «дисквалифицировали с точки зрения марксизма-ленинизма» Г. Эверса, Н.М. Карамзина, славянофилов, Б.Н. Чичерина, С.М. Соловьева, А.П. Щапова, В.О. Ключевского, Н.А. Рожкова и др., «каждому из них дан... вслед за Покровским определенный ярлык классового и социально-политического характера»²⁵. «Беспримерной критике с пристрастием» подвергаются, указывает Флоровский, и историки-современники старшего поколения – С.Ф. Платонов и Е.В. Тарле. Целая серия статей акцентированно-классовой направленности на страницах журнала «Историк-марксист» за 1928 и 1932 гг. была посвящена научной деятельности и историческим взглядам Покровского – еще не низвергнутого классика советской историографии²⁶. Флоровский подчеркивает роль «руководящего марксистского журнала «Историк-

²³ Архив РАН. Ф. 1609. Д. 41. Л. 150-151.

²⁴ Там же. Л. 151. В этой рукописи Флоровский ссылается на сборник под редакцией М.Н. Покровского «Русская историческая литература в классовом освещении».

²⁵ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 41. Л. 152.

²⁶ Шестаков 1928; Кин 1928; Горин 1928; Рубинштейн 1928; Биография М.Н. Покровского. 1928; Библиография работ М.Н. Покровского. 1928.

марксист»» в агрессивном насаждении новых стандартов исторического мышления. Экспансия марксистской теории происходит «энергическими методами» в область археологических и лингвистических исследований – и внимательный наблюдатель Флоровский отмечает сложный характер этого взаимодействия, включение в поле формирующейся марксистской научности существующих теоретико-методологических построений – примером этого он считает яфетическую теорию Н.Я. Марра.

Стремясь к полноте библиографического описания, Флоровский отмечает появление в начале рассматриваемого периода обобщающих историографических текстов, написанных представителями старой, «домарксистской» генерации историков. Он ссылается на работы В.И. Пичеты «Введение в русскую историю (источники и историография)»²⁷ и А.С. Лаппо-Данилевского «Очерк развития русской историографии»²⁸. Эти труды представляли «старшую (по контексту – уходящую) эпоху» развития историографии. К числу обобщающих работ он относит и историографические обзоры по отдельным отраслям знаний «важных и для честной работы историка» – на этом уровне комфортнее чувствует себя привычный профессионализм. Работами такого плана историк считает «Введение в археологию» С.А. Жебелева²⁹, «Очерк истории русской географической науки Л.С. Берга»³⁰, историографические обзоры в «Финоугорском сборнике»³¹. Историографическая конкретика (дистанцирование от широких теоретических обобщений) вообще любима Флоровским, в наибольшей степени это верно в отношении знаковых фигур отечественной исторической науки, на присвоение которых претендуют как марксистские новаторы, так и профессора-традиционалисты. Изучение персоналий, помимо почтения к классикам, отцам-основателям, имеет дополнительную печальную мотивировку – уход из жизни в годы гражданской войны и последующий период созвездия блистательных ученых, что ставит задачу оценить их вклад в развитие отечественной и мировой науки, хранить память о них. В черновом варианте рукописи Флоровского «Историческая наука в Советской России (1921–1932)» встречаем краткий мартиролог выдающихся ученых (А.С. Лаппо-Данилевский, А.А. Шахматов, М.А. Дьяконов, Б.А. Тураев, Н.А. Рожков и др.) и литературу о них, которая фиксирует некрологи, воспоминания, статьи³². Для Флоровского одним из доказательств живущей традиции, не прерывающейся пульсации профессиональной мысли в советской России является обращение к творческому наследию, жизненному пути

²⁷ Пичета 1922.

²⁸ Лаппо-Данилевский 1920.

²⁹ Жебелев 1923.

³⁰ Берг 1929.

³¹ Финоугорский сборник. 1928.

³² Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 41. Л. 161-163.

«великих старых историков» (В.Н. Татищева, Е.А. Болховитинова, знаменитого археографа П.М. Строева, С.М. Соловьева и в наибольшей степени В.О. Ключевского). Библиографический обзор свидетельствует о значительном исследовательском интересе к классикам, формирующим научную традицию, принадлежащим к прогрессистскому мейнстриму. Таких «правильных классиков» признает и часть марксистского научного сообщества. Они изучаются представителями старой и новой науки, идет борьба за присвоение их наследия, и к ним, безусловно, относятся С.М. Соловьев и В.О. Ключевский. В особую группу Флоровский выделяет исследования, посвященные историческим взглядам недавних властителей дум, не принадлежащих к корпорации историков деятелей освободительного движения Н.А. Добролюбова и Н.Г. Чернышевского. Такое расширение проблемного поля историографии неоднозначно воспринималось научным сообществом, даже внутри марксистского лагеря. И Флоровский дает ссылку на дискуссию по этому поводу на страницах журнала «Историк-марксист»³³.

Проанализированные тексты Флоровского позволяют реконструировать «взгляд извне» на дисциплинарное поле историографии в новых социально-политических условиях. Автор фиксирует оформление нового образа историографии, с ярко выраженным классовым подходом и утилитаризмом / презентизмом, что коррелируется с определенным типом рациональности классического образца с элементами модерна. Вместе с тем, он не редуцирует этот процесс, а отмечает продолжение прежней историографической традиции, позитивистской в своем основании, носителями которой выступают представители старой генерации историков. Рассматривая историографию как важнейший элемент профессионализации, Флоровский констатирует и в марксистских опытах интерес к историографической аналитике. Внимание к коммеморативным практикам (историкам, институциям и др.) выступает как сохраняющийся фактор конституирования научного сообщества, как поле борьбы / взаимодействия старой и новой генераций историков. Продолжающаяся традиция публикации историографических источников имела еще более фундаментальные последствия. Во-первых, поддерживалась и даже усиливалась источниковая ориентированность историографических исследований. Работа с источником сохранялась как часть исследовательской культуры. Во-вторых, постоянная публикация новых источников, необходимость / неизбежность их осмысления поддерживает интеллектуальное напряжение в сообществе, происходит постоянный вброс в историографическое пространство «научных шумов» – людей, идей и ситуаций, которые с трудом, чем дальше, тем больше, вписывались в прокрустово ложе официального марксизма.

³³ См.: Покровский М.Н. 1932.

«Накоплен огромный и определенный материал...»

В течение XIX века в рамках классической модели науки источниковедение оформилось «в качестве неотъемлемой составляющей исторического метода, его задача – помогать историку в вовлечении в историческое исследование добротного исторического материала»³⁴. Конец XIX – начало XX в. в отечественной традиции ознаменованы взлетом интереса к проблемам интерпретации исторического источника, попытками преодоления позитивистского подхода к нему, опытами конструирования феноменологической концепции источниковедения, это время создания масштабных публикаторских проектов. Флоровский прошел хорошую школу источниковедческого ученичества, еще до эмиграции был известен в научных кругах как знаток летописания и, в особенности, «Русской правды». В эмиграции, на заседаниях Русского исторического общества он выступал с докладами источниковедческой направленности³⁵. В это время он активно занимается розысками документов по петровской эпохе в зарубежных архивах.

Естественно, что, анализируя советскую историографию, ученый обращается к публикаторской деятельности советских историков и введению в научный оборот новых источников, рассматривая это как важнейший критерий профессионализма. Он положительно оценивает реорганизацию архивного дела, осуществленную в 1918 г., создание нового «огромного архивного фонда по истории Октябрьской революции». В то же время Флоровский отлично сознает классовую заданность деятельности данных институций: «Архивы в глазах официальных историков-марксистов – арсеналы оружия для политической борьбы с классовыми врагами новой власти»³⁶. Советская историография, отмечает он, принципиально актуализирована, приоритетность ее тем определяется марксистскими доктринальными установками (социально-экономические и классовые сюжеты) и «текущим политическим моментом» – свершившейся совсем недавно Великой Российской революцией, и стимулирующей интерес к недавней политической истории. Эта актуализированная приоритетность своеобразно просматривается в источниковедческо-публикаторской деятельности, где также наличествует сложное наложение политически актуального и научно значимого.

Историк констатирует и положительно оценивает бум публикаций исторических источников нового и новейшего времени, эпохи масштабных социальных трансформаций и великих революций (издаются акты

³⁴ Источниковедение. 2015. С 41.

³⁵ В 1927 г. он прочитал два доклада: «Отзыв о книге Г.М. Барац, «О составителях "Повести временных лет" и ее источниках, преимущественно еврейских» и «Известия о древней Руси арабского писателя Мискавейхи X–XI вв. и его продолжателя». – Записки Русского исторического общества в Праге. 1927. С. 31-32.

³⁶ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 41. Л. 64.

судебных процессов, переписка, дневники, мемуары). В поле исследовательских приоритетов советских историков попадают, как он указывает, два наиболее значительных проявления социального протеста в XVII–XVIII вв. – крестьянские движения, связанные с именами Разина и Пугачева. Для их изучения «привлечен большой новый материал, дающий возможность... показать события и отношения с новых сторон и в новом освещении»³⁷. «Пугачевщина, – пишет Флоровский, – отразилась в документальном запасе архивных материалов конечно более значительно, чем движение Разина <...> в особенности, что касается местных, локальных подробностей движений. Он выделяет наиболее значимые подборки документальных свидетельств, позволяющие расширить источниковую базу исследования русского бунта, показать его действительно с новых сторон»³⁸. Им выделяются наиболее значимые подборки документальных свидетельств, позволяющие расширить источниковую базу исследования русского бунта, показать его действительно с новых сторон. К таковым Флоровский относит ряд публикаций³⁹.

Массив документальных публикаций, посвященных освободительному движению и революционным событиям в России, очень велик и не может быть воспроизведен полностью, считает Флоровский. Эти публикации способствуют, с его точки зрения, получению объективного знания в «известных областях прошлого», к которым он относит восстание декабристов, политические процессы XIX – начала XX в. и пр. К значимым новациям в публикаторской деятельности он относит появление биографических и библиографических словарей, представляющих полную картину исторической литературы по указанной проблематике. В словаре «Восстание декабристов. Библиография»⁴⁰, отмечает Флоровский, «зарегистрирована 4451 публикация о декабристах, в том числе более 800 в советское время, в связи со столетним юбилеем восстания!»⁴¹ Восклицательный знак, которым он завершает эту ремарку – свидетельство его восхищения масштабами исследования проблемы.

В целом Флоровский дает высокую оценку публикаторской деятельности историков в обозначенный период, отмечая введение в научный оборот «громздного материала исторических источников» и полагает, что это будет способствовать формированию «объективного взгляда на русский исторический процесс»⁴².

³⁷ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 41. Л. 337.

³⁸ Там же. Л. 339.

³⁹ Греков 1927; Крестьянство и националы... 1931; Из архива Пугачёва... 1926; Из следственных материалов и официальной переписки. 1929; 1931.

⁴⁰ Ченцов Н.М. 1929.

⁴¹ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 41. Л. 243.

⁴² Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 41. Л. 554.

Проблематика: «между молотом и наковальней»

Одной из значимых научных проблем для современного этапа развития российской исторической мысли, была, по мнению Флоровского, проблема предметно-объектного содержания понятий «русская история» и «история России» и четкого обозначения того, «что представляла собою Россия как историческое явление» и «что такое ее история, как объект научного изучения и целостного изображения». Ученый фиксирует отличия в решении этой проблемы в советской и эмигрантской (традиционной) историографии. В России в условиях, «когда оказалось возможным строить в широких рамках новое понимание исторических путей России, понимание, которое было бы свободно от “устарелых” и враждебных новой пролетарской власти и идеологии классовых “буржуазных” предпосылок и установок», в центр исторического процесса была поставлена классовая борьба, ставшая «осью, вокруг которой двигались все иные процессы русского прошлого»⁴³. Безусловно, это в значительной мере сужало проблематику исторической науки, делало основой всей исторической конструкции и периодизации русской истории социально-экономические отношения и классовые противоречия и конфликты. Такая модель была представлена в работах М.Н. Покровского («Русская история в самом сжатом очерке») и Н.А. Рожкова («Русская история в сравнительно-историческом освещении» в 12 томах). С позиций советской «официальной историографии» русская история «есть история русских классовых отношений на базе экономических явлений, таков общий смысл торжествующей ныне в Советской России победу историографической школы». Сравнивая эту модель с воззрениями представителей эмигрантской науки, продолжавших традиции дореволюционной историографии (Е.Ф. Шмурло, П.Н. Милюков и Г.В. Вернадский), Флоровский, не углубляясь в предметно-содержательную сторону и историософскую проблематику их общих курсов русской истории, применяет «инвентарный» подход, фиксирующий лишь перечень явлений и процессов, которые, по его мнению, следует включать в схему общих курсов по русской истории. При этом он отмечает, что «с точки зрения инвентаря подлежащих учету исторических явлений названные авторы явно оставляют в стороне многие исторические процессы». Согласно Флоровскому, общий курс русской истории должен раскрыть «историческое явление России» как исторически цельный мир, «сложный клубок явлений, из коих ни одно (и политическая жизнь страны) не исчерпывает существеннейших особенностей и организующих сил ее бытия». «Россия–страна, вот подлинный объект исторического изучения, не «история государства Российского» и не «история русского народа», но история России–мира со стороны историко-географической,

⁴³ Slovanska knihovna v Praze. T-Flor. Krab. XXXVII. Rukopisy.

геополитической, собственно политической, социальной и социально-экономической и духовно-материально-культурной»⁴⁴.

Это свое понимание целостности истории России он экстраполирует на анализ проблемного поля советской историографии. Ученый пытается создать общую картину движения проблематики исследований в избранных им хронологических рамках. При этом он выявляет следующие проблемные блоки изучения России в советской традиции: история государственности; социальная и экономическая история России; промышленность и рабочие в России; история земельного строя России и русского крестьянства; история русского города, торговли и промысла; история русской церкви; история отдельных регионов России; история русского права; история русской культуры и духовного развития русского народа. Он фиксирует иерархию сложившейся в советской историографии проблематики. Преимущественное внимание уделяется изучению рабочего класса и крестьянства. Эти социальные элементы интенсивно изучаются и в исторической ретроспективе, и в социологическом ракурсе настоящего времени. Вторая тема по интенсивности изучения связана с этапами освободительного движения в России, особенно рабочего движения «в связи с историей русской социал-демократии и большевистской ее фракцией», поскольку история РСДРП/б/ – ВКП/б/ рассматривается как «предыстория Советской власти – ее автобиография»⁴⁵. Он отмечает почти полное отсутствие литературы по истории церкви и религиозной культуры, а то, что публикуется, с его точки зрения, носит обличительный и антинаучный характер. История права и правовой культуры также занимает в литературе «весьма малое место». В то же время, в качестве положительного явления им отмечается публикация и введение в научный оборот актов архива Троице-Сергиевой лавры⁴⁶. Флоровский подчеркивает, что, несмотря на давление власти, историческая наука в России живет и развивается «и то, что публикуется в области исторического знания, значительно и серьезно расширяет круг объективных данных, служит и объективному познанию исторических явлений и процессов»⁴⁷. Носителями этой положительной тенденции он считает как представителей «старой буржуазной традиции» (С.Ф. Платонов, Ю.В. Готье, А.Е. Пресняков, С.Б. Веселовский, М.А. Полиэвтков, Р.Ю. Виппер), так и некоторых историков среднего (приват-доцентского) и молодого поколения, включая в эту генерацию Б.Д. Грекова, А.И. Андреева, А.Н. Сперанского, М.В. Нечкину, Н.М. Ченцова, К.В. Базилевича, С.В. Бахрушина, А.А. Савича, А.А. Введенского. Как видим,

⁴⁴ Slovanska knihovna v Praze. T-Flor. Krab. XXXVII. Rukopisy.

⁴⁵ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1 Д. 46. Л. 8.

⁴⁶ Речь идет о работе «Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV-XVII вв. 1929.

⁴⁷ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 46. Л. 4.

в один ряд поставлены историки, принадлежащие к различным методологическим направлениям.

Из внутренних процессов русской жизни значительное внимание, по мнению Флоровского, уделено вопросам социально-экономического развития России и колонизации, преимущественно севера европейской части России, Урала и Сибири. При этом он особо выделяет труды об освоении Сибири русскими колонистами «выдающегося историка» С.В. Бахрушина⁴⁸. В области социально-экономической проблематики он обращает внимание на складывание нового направления по изучению истории заводов и фабричного труда.

Подводя итог рассуждения проблемного поля, Флоровский отмечает, во-первых, фактическое отсутствие обобщающих работ по истории России историков-немарксистов, поскольку «собственно синтетическая работа становится уделом по преимуществу предводителей официальной исторической идеологии – историков-марксистов»⁴⁹. Во-вторых, он отмечает укрепление позиций марксистской школы. В-третьих, признает, «значительные успехи советской исторической науки в изучении прошлого России», по его словам, «историческая литература в советской России обильна и богата полноценными плодами»⁵⁰.

В ситуации историографического разлома, когда происходит столкновение / смена исследовательских парадигм, личностный выбор историка и историографа (разумеется, не на декларативном, а на профессионально-деятельном уровне) особенно значим. Выбор Флоровского – это творчески интерпретированная, видоизмененная научная традиция. Чтобы отразить незавершенные, мировоззренчески чуждые процессы, он огрубляет собственный инструментарий историографического анализа, возвращается к «инвентарному» – регистрационно-библиографическому методу. Привычный историографический нарратив разбалансируется, происходит его архаизация. Перед нами, своего рода, научный парадокс – именно такой уровень научной аналитики (библиография, инкорпорирующая определенные элементы историографического анализа) оказывается в конечном счете плодотворным, позволяющим представить содержательную сложность внутренней структуры советской исторической науки. Флоровский видит то, что видит: он фиксирует не только жесткие и ужесточающиеся нормативно-регулятивные рамки развития советской исторической науки, но и существование внутри этих рамок ниш и островков, архипелагов полуавтономного ее развития, и даже, судя по контексту, вероятность преодоления этих рамок. Такая

⁴⁸ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 46. Л. 7.

⁴⁹ Там же. Д. 41. Л. 548.

⁵⁰ Там же. Д. 46. Л. 11.

позиция историка несла в себе потенцию расширения коммуникативно-го поля между эмигрантскими и советскими историками.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Архив Российской Академии Наук (РАН). Фонд 1609.
Slovanska knihovna v Praze. T-Flor.
Академическое дело 1929-1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб.: БАН, 1993. 295 с. [Akademicheskoe delo 1929-1931 gg. Vyp. 1. Delo po obvineniyu akademika S.F. Platonova. SPb. 1993].
- Аксенова Е.П. Восприятие в СССР науки русского зарубежья в 1920-1930-е годы // Славянский альманах. 1997. № 3/13. С. 130-142 [Aksenova E.P. Vospriyatie v SSSR nauki russkogo zarubezh'ya v 1920-1930-e gody // Slavyanskij al'manah. 1997. № 3/13. S. 130-142].
- Аксенова Е.П. Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А.В. Флоровского // Культурное наследие российской эмиграции 1917-1940. Т. II. М. 1994. С. 95-100 [Aksenova E.P. Istoricheskaya nauka SSSR i russkogo zarubezh'ya v ocenke A.V. Florovskogo // Kul'turnoe nasledie rossijskoj ehмиграции 1917-1940. T. II. M. 1994. S.95-100]
- Аксенова Е.П. Жрец «Клио» (к научной биографии А.В. Флоровского) // Вестник славянских культур. 2009. Т. XI. № 1. С. 32-47 [Aksenova E.P. Zhrec «Klio» (k nauchnoj biografii A.V. Florovskogo) // Vestnik slavyanskikh kul'tur. 2009. T. XI. № 1. S. 32-47].
- Берг Л.С. Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1923 г.) Л., 1929. 150 с. [Berg L.S. Oчерk istorii russkoj geograficheskoi nauki (vplot' do 1923 g.) L., 1929].
- Библиография работ М.Н. Покровского // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 216-224. [Bibliografiya rabot M.N. Pokrovskogo // Istorik-marksist. 1928. T. 9. S. 216-224].
- Биография М.Н. Покровского. // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 79-83 [Biografiya M.N. Pokrovskogo. // Istorik-marksist. 1928. T. 9. S. 79-83].
- Варшавский С. Комитет Русской книги (очерк задач и деятельности) // Русская зарубежная книга. Ч. 1. Библиографические обзоры. Прага: «Пламя», 1924. 142 с. [Varshavskij S. Komitet Russkoj knigi (oчерk zadach i deyatelnosti) // Russkaya zarubezhnaya kniga. CH. 1. Bibliograficheskie obzory. Praga. «Plamy», 1924].
- Горин П. М.Н. Покровский как историк первой русской революции // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 34-57 [Gorin P. M.N. Pokrovskij kak istorik pervoj russkoj revolyucii // Istorik-marksist. 1928. T. 9. S. 34-57].
- Греков Б.Д. Новые материалы о движении Степана Разина ЛЗАК, Вып. 1(34) Сборник документов. Издание Центрархива Л. 1927 [Grekov B.D. Novye materialy o dvizhenii Stepana Razina LZAK, Vyp. 1(34) Sbornik dokumentov. Izdanie Centrарhiva L. 1927].
- Жебелев С.А. Введение в археологию. В 2-х тт. Петроград: «Наука и школа», 1923. [Zhebelev SA. Vvedenie v arheologiyu. V 2-h tt. Petrograd: «Nauka i shkola», 1923]
- Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 1. 1927. Прага. [Zapiski Russkogo istoricheskogo obshchestva v Praze. Kn. 1. 1927. Praga]
- Из архива Пугачёва (манифесты, указы и переписка). М.-Л.: Государственное издательство РСФСР, 1926. Т. I. 292 с. [Iz arhiva Pugachyova (manifesty, ukazy i perepiska). M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo RSFSR, 1926. T. I.]
- Из архива Пугачева. М.-Л.: Соцэргиз, 1931. Т. III. 528 с. [Iz arhiva Pugacheva. M.-L.: Socehgiz, 1931. T. III].
- Из следственных материалов и официальной переписки. М.-Л.: Государственное издательство РСФСР, 1929. Т. II. 494 с. [Iz sledstvennyh materialov i oficial'noj perepiski. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo RSFSR, 1929. T. II]
- Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др. / отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. дом. ВШЭ, 2015. 702 с. [Istochnikovvedenie: ucheb. posobie / I.N. Danilevskij, D.A. Dobrovolskij, R.B. Kazakov i dr. / otv. red. M.F. Rumyanцева. M.: Izd. dom. Vysshje shkoly ehkonomiki, 2015].

- Кин Д. М.Н. Покровский как историк Октябрьской революции // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 18-33 [Kin D. M.N. Pokrovskij kak istorik Oktyabr'skoj revoljucii // Istorik-marksist. 1928. T. 9. S. 18-33].
- Ковалев М.В. А.В. Флоровский (1884-1968). Пражская жизнь одесского профессора. // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 123-140 [Kovalev M.V A.V. Florovskij (1884-1968). Prazhskaya zhizn' odesskogo professora. // Novaya i novejšhaya istoriya. 2017. № 6. S. 123-140].
- Ковалев М.В. Зигзаги судьбы: профессор А.Ф. Флоровский и его советские коллеги // Россия. XXI век. 2016. № 4. С. 82-105. № 5 С. 84-97. № 6. С. 98-113 [Kovalev M.V. Zigzagi sud'by: professor A.F. Florovskij i ego sovetskie kollegi // Rossiya. НКНН vek. 2016. № 4. S. 82-105. № 5 S. 84-97. № 6. S. 98-113]
- Крестянство и националы в революционном движении. 1666-1671 гг. Разинщина / Централархив. М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931 [Krest'yanstvo i nacionaly v revolyucionnom dvizhenii. 1666-1671 gg. Razinshchina / Centralrhiv. M.-L.: Gos. soc.-ehkon.izd-vo, 1931]
- Лаппо-Данилевский А.С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 5-29 [Lappo-Danilevskij A.S. Ocherk razvitiya russkoj istoriografii // Russkij istoricheskij zhurnal. 1920. Kn. 6. S. 5-29].
- Лубский А.В. Нарратив исторический / Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / 2 изд., испр. и доп. / отв. ред. А.В. Чубарьян, Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2016. С. 311 [Lubskij A.V. Narrativ istoricheskij / Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar' / 2 izd., ispr. i dop. / отв. red. A.V. CHubar'yan, L.P. Repina. M.: Akvilon, 2016. S. 311].
- Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV-XVII вв. / под ред. С.Б. Велеловского и А.И. Яковлева. М.: Централархив РСФСР, 1929. 397 с. [Pamyatniki social'no-ehkonomicheskoy istorii Moskovskogo gosudarstva XIV-HVII vv. / pod red. S.B. Velelovskogo i A.I. YAkovleva. M.: Centralrhiv RSFSR, 1929. 397 s.]
- Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. 401 с. [Pashuto V.T. Russkie istoriki-ehmigranty v Evrope. M. 1992]
- Пичета В.И. Введение в русскую историю (источники и историография). М. 1922 [Picheta V.I. Vvedenie v russkuyu istoriyu (istochniki i istoriografiya). M. 1922].
- Покровский М.Н. Борьба классов и русская историческая литература. М.: Прибой, 1927. [Pokrovskij M.N. Bor'ba klassov i russkaya istoricheskaya literatura. M.: Priboj, 1927. 138 s.]
- Покровский М.Н. По поводу некоторой путаницы. // Историк-марксист. 1932. №1-2. С. 13-25 [Pokrovskij M.N. Po povodu nekotorej putanicy. // Istorik-marksist. 1932. №1-2. S. 13-25].
- Покровский М.Н. Русская историческая литература в классовом освещении. Труды института Красной профессуры. М. Т. I. 1927. Т. II. 1929 [Pokrovskij M.N. Russkaya istoricheskaya nauka v klassovom osveshchenii. Trudy instituta Krasnoj professury. M. T. I. 1927. T. II. 1929].
- Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке (от древнейших времен до конца XIX столетия) М.: ГИЗ, 1920. 276 с. [Pokrovskij M.N. Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke (ot drevnejshih vremen do konca XIX stoletiya) M.: GIZ, 1920. 276 s.]
- Рубинштейн Н. М.Н. Покровский – историк внешней политики // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 58-78 [Rubinshtejn N. M.N. Pokrovskij – istorik vneshnej politiki // Istorik-marksist. 1928. T. 9. S. 58-78].
- Финоугорский сборник. Л. 1928. 349 с. [Finougorskij sbornik. L. 1928].
- Флоровский А.В. Русская историческая наука в эмиграции (1920-1930) // Труды V съезда Русских Академических организаций за границей. Ч. 1. София. 1932. С. 467-484 [Florovskij A.V. Russkaya istoricheskaya nauka v ehmigracii (1920-1930) // Trudy V s"ezda Russkih Akademicheskikh organizacij za granicej. CH. 1. Sofiya. 1932. S. 467-484].
- Щепилова В.И. Из историографического наследия российской эмиграции (1920-1939 гг.) // Вестник Челябинского гос. ун-та 2009(а). № 16 (154). История. Вып. 32. С. 133-138

- [Сепилова В.И. Из историографического наследия российской эмиграции (1920-1939 гг.) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstv. un-ta 2009. № 16 (154). Istoriya. Вып. 32. S. 133-138].
- Сепилова В.И. Историографическая наука русского зарубежья в историографии 1920-1930-х гг. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2009(6). №. 4-1 (64). С. 224-226 [Сепилова В.И. Istoriograficheskaya nauka russkogo zarubezh'ya v istoriografii 1920-1930-h gg. // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. №. 4-1 (64). S. 224-226]
- Ченцов Н.М. Восстание декабристов. Библиография. М.-Л.: Госиздат, 1929. 792 с. [Ченцов Н.М. Vosstanie dekabristov. Bibliografiya. M.-L.: Gosizdat, 1929].
- Шестаков А.М. М.Н. Покровский – историк-марксист // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 3-17 [Shestakov A.M. M.N. Pokrovskij – istorik-marksist // Istorik-marksist. 1928. T. 9. S. 3-17]
- Florovskij A. La literature historique russe d'emigration. Compte-rendu 1921-1926 // Bulletin d'information de la Societe d'Ethnographie. (BHEO) Paris, 1928. T. II/2. P. 81-121.
- Florovskij A. The Work of Russian Emigres in History (1921-1927) // Slavic Review (SLR). 1928. Vol. XIX.
- Florovskij A. La literature histjrique russe d'emigration. Compte-rendu 1927-1929 // BHEO. 1930. T. III/1/2. P. 25-79.
- Florovskij A. Recent Surveys of Russian History // SLR, 1934/ AVR. Vol. XII. № 36. P. 734-742.
- Idem. Historical Studies in Soviet Russia // SLR, 1935, Jan. Vol. XIII. № 38. P. 457-469.
- Florovskij A. La literature historique sovietique russe. Compte-rendu 1921-1931 // BHEO. 1935. T. VI-VII.

Волошина Валентина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии, доцент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; valvoloshina@rambler.ru

Корзун Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор, кафедра современной отечественной истории и историографии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; korzunv@mail.ru

Soviet historical science in the understanding of A.V. Florovsky

The article is devoted to understanding the process of formation of the Soviet historical discipline in the works of the emigrant historian A.V. Florovsky (1884–1968). The study was carried out on the basis of both published and unpublished historiographical sources, most of which are manuscripts by A.V. Florovsky stored in personal funds of A.V. Florovsky in the archives of the Russian Academy of Sciences (Fund 1609) and in the manuscript department of the Slavic Library in Prague (F-Flor). The bibliographic works of the historian published in various foreign publications in the 1920s and 1930s were also widely studied. The article identifies the motives of Florovsky's appeal to Russian, including Soviet, historiography and identifies the metamorphosis of the historiographical narrative.

Keywords: historiography, historical source, Soviet historical science, emigrant historical science, scientific community, scientific communications, historiographic narrative

Valentina Voloshina, Dr.Sc. (History), Professor of the Department of Modern Russian History and historiography, Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky, valvoloshina@rambler.ru

Valentina Korzun, Dr.Sc. (History), Professor, Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky, korzunv@mail.ru